

Павел Силенциарий (о нем)**ЭКФРАСИС ХРАМА СВЯТОЙ СОФИИ****ЭПИГРАММЫ ИЗ «ПАЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ»**

V, 217

В золото Зевс обратился, когда захотел он с Данаи
Девичий пояс совлечь, в медный проникнуть чертог.
Миф этот нам говорит, что и медные стены, и цепи -
Все подчиняет себе золота мощная власть.
Золото все расслабляет ремни, всякий ключ бесполезным
Делает; золото гнет женщин с надменным челом,
Так же, как душу Данаи, согнуло. Кто деньги приносит,
Вовсе тому не нужна помощь Киприды в Любви

Перевод Л.Блуменау

V, 219

Будем, Родопа, мы красть поцелуи и милую сердцу,
Но возбраненную нам, службу Киприде скрывать.
Сладко, таясь, избегать сторожей неусыпного взгляда;
Ласки запретной любви слаще дозволенных ласк.

Перевод Л.Блуменау

V, 221

Долго ли будем с тобой распаленные взоры украдкой
Друг на друга бросать, пламя желанья тая?
Молви, какая забота томит тебя - кто нам помехой,
Чтобы мы нежно сплелись, горе в объятьях забыв?
Если ж нельзя нам сойтись, то меч нам обоим поможет:
Сладко нам пребывать в жизни и в смерти вдвоем.

Перевод Д.С.Усова

V, 226

Очи, доколе впивать вы будете нектар Эротов
И опьяняться красой хмельной осмелитесь вы?
Дайте упиться нам всласть! - Но в полной тиши безмятежно
Трезвые я приношу жертвы Киприде благой.
Если ж и тут как-нибудь пронзит меня страстное жало -

Вы ороситесь тогда влагой холодною слез,
И по заслугам всегда будет вам эта кара: ведь вами
Вторгнуты были, увы, мы в этот пламенный жар.

Перевод Ф. Петровского

V, 228

Ради кого, мне скажи, ты кудри свои заплетаешь,
Холишь руки свои, ногти подрезав кругом?
И для чего ты свою одежду окрасила в пурпур?
Ведь не узнаешь теперь прежней Родопы красу.
Теми глазами, какими я больше не вижу Родопы,
И на златую Зарю я не желаю смотреть!

Перевод Ю.Шульца

V, 230

Из золотистых кудрей волосок один вырвав, Дорида
Руки связала мои, точно у взятого в плен.
Я рассмеялся сперва и мнил, что Дориды желанной
Узы могу на себе я без труда разорвать.
Но не хватило мне сил, и вот уже застонал я,
Точно бы медными тут стянут я путами был.
Трижды несчастный теперь к ее волоску я привешен
И за владычицей вслед должен тащиться везде.

Перевод Ф. Петровского

V, 232*

Я, Гипподама целуя, мечтаю в душе о Леандре;
Если ж к Леандра губам я прижимаю свои,
Образ Ксанфа в груди у меня; обнимаю я крепко
Ксанфа, а и мыслях опять я Гипподама зову.
Каждый в объятьях моих мне не мил: то того, то другого
Попеременно обняв и привлекая к себе,
Я Кифереей богата. А та, что нас попрекает,
Пусть себе будет всегда в бедности с мужем одним.

Перевод Ф. Петровского

* Эпиграмма написана либо от лица какой-то светской дамы, либо от лица гетеры.

V, 234

Смолоду был я суров, отвергая всегда непреклонно
Пафии страстной закон, к сладкой зовущий любви;
Неуязвимым я был для стрел ядовитых Эротов,
Ныне же, полуседой, шею, Киприда, клоню.

Ты улыбнись мне! Твоя над мудрой Палладой победа
Большая, чем обладать яблоком встарь Гесперид.

Перевод Ф. Петровского

V, 236

Тантала муки, какими он был в Ахеронте наказан,
Право, гораздо слабей наших мучений людских.
Видя твою красоту, без помехи губами своими
Нежных, как роза твоих губ он коснуться бы мог.
Тантал, рыдающий вечно, нависшей над ним опасался
Грозной скалы, но не мог он еще раз умереть.
Я же при жизни бедняк, погибаю, снедаемый страстью;
Весь изнемог и меня жребий погибельный ждет.

Перевод Ю.Шульца

V, 239

Пламени ярость утихла, и я уже больше не болен.
Но, охлажденный, теперь, Пафия, гибну совсем.
Тело уже спалено, и ползет сквозь кости и душу,
Алчностью тяжелой дыша, горечи полный Эрот.
Так, если жертвы приносят и пламя их поглотило,
Пищи не видя себе, сам угасает огонь.

Перевод Ю.Шульца

V, 241

Слово «прости» тебе молвить хотел я. Но с уст не слетевший
Звук задержал я в груди и остаюсь у тебя,
Снова по-прежнему твой, — потому что разлука с тобою
Мне тяжела и страшна, как ахеронтская ночь.
С светом дневным я сравнил бы тебя. Свет, однако, безгласен,
Ты же еще и мой слух радуешь речью своей,
Более сладкой, чем пенье Сирен, и которой одною
Держатся в сердце моем все упования мои.

Перевод Л.Блуменау

V, 244

Нежно целует Демо, Галатея и долго и звучно,
Ну а Дорида куснет. Кто возбуждает сильней?
Ухо совсем не судья поцелуям; и, только отведав
Жало колючее губ, вынесем мы приговор.
Сердце, ты сбилось с пути! Но, ты знаешь, Демо поцелуй
Нежны, и слаще, чем мед, влажные губы ее.
Стой же за них! У нее венок по заслугам. Но если
Кто и другой увлечен, я-то навек за Демо.

Перевод Ф. Петровского

V, 246

Нежен Сапфо поцелуй и рук белоснежных объятья,
Неги полна она вся, сердце же девы — кремень.
Только до губ у нее любовь простирается; дальше
Девственность строго она и нерушимо хранит.
Кто это может снести? Да, пожалуй, лишь тот и сумеет,
Кто в состояньи легко Тантала жажду стерпеть.

Перевод Ф. Петровского

V, 248

Как ты посмела, рука, ее золотистые кудри,
Крепко в кулак захватив, за спину дерзко скрутить?
Дерзкая! Как не смягчил твоей ярости жалобный голос,
Вырванных ключья волос, шея склоненная ниц?
По лбу напрасно теперь тебе ударять непрестанно:
Больше ладонью своей ты не коснешься сосцов.
Но не казни, госпожа, умоляю, столь тяжкою карой:
С радостью легче снесу я наказание мечом.

Перевод Ф. Петровского

V, 250

Сладко Лаида, друзья, улыбается, сладко и слезы
Льет мне она из своих тихо опущенных глаз.
Долго вчера у меня она беспричинно рыдала
И головой к моему все припадала плечу.
Плакала горько, а я ее целовал, и сливались
Слезы в единый поток, нам орошавший уста.
Но на вопрос мой — «О чем же ты плачешь?» — она отвечала:
«Бросишь меня, я боюсь: все ведь обманщики вы».

Перевод Ф. Петровского

V, 252

Милая, скинем одежды и, оба нагие, телами
Тесно друг к другу прильнем в страстном объятьи любви.
Пусть между нами не будет преград. Вавилонской стеною
Кажется мне на тебе самая легкая ткань.
Грудью на грудь и губами к губам... Остальное молчаньем
Скрыто да будет,— претит мне невоздержность в речах.

Перевод Л. Блуменау

V, 254

Клятву я дал не видаться с тобой, прелестная дева,
 До появленья зари целых одиннадцать дней.
 Вытерпеть было невмочь, и на завтра мне показалось,
 Что уж двенадцатый—да! —месяц давно миновал.
 Но умоли ты богов, моя милая, эти заклатья
 Не закреплять на листах списка заслуженных кар.
 Ласками ты умягчи мое сердце, владычица, чтобы
 Не истерзал меня бич твой и блаженных богов.

Перевод Ф. Петровского

V, 255

Видел я мучимых страстью. Любовным охвачены пылом,
 Губы с губами сомкнув в долгом лобзаньи, они
 Все не могли охладить этот пыл, и, казалось, охотно б
 Каждый из них, если б мог, в сердце другому проник.
 Чтобы хоть сколько-нибудь утолить эту жажду слиянья,
 Стали меняться они мягкой одеждою. Он
 Сделался очень похож на Ахилла, когда, приютившись
 У Ликомеда, герой в девичьем жил терему;
 Дева ж, высоко до бедер блестящих хитон подобравши,
 На Артемиду теперь видом похожа была.
 После устами опять сочетались они, ибо голод
 Неутолимой любви начал их снова терзать.
 Легче бы было разнять две лозы виноградных, стволами
 Гибкими с давней поры сросшихся между собой,
 Чем эту пару влюбленных и связанных нежно друг с другом
 Узами собственных рук в крепком объятьи любви.
 Милая, трижды блаженны, кто этими узами связан.
 Трижды блаженны... А мы розно с тобою горим.

Перевод Л. Блуменау

V, 256

Двери ночью порой захлопнула вдруг Галатеея
 Передо мной и к тому ж дерзко ругнула меня.
 «Дерзость уносит любовь» — изречение это неверно:
 Дерзость сильнее еще страсть возбуждает мою.
 Я ведь поклялся, что год проживу от нее в отдаленьи.
 Боги, а утром пришел к ней о прощеньи молить!

Перевод Ю. Шульца

V, 258

Краше, Филинна, морщины твои, чем цветущая свежесть
 Девичьих лиц, и сильней будят желанье во мне,
 Руки к себе привлекая, повисшие яблоки персей,
 Нежели дев молодых прямо стоящая грудь.
 Ибо милей, чем иная весна, до сих пор твоя осень,
 Зимнее время твое лета иного теплей.

Перевод Л. Блуменау

V, 259

Томные очи твои таким вожделением дышат,
 Точно бы ты, Харикло, встала с постели сейчас:
 Волосы встрёпаны, блеск ланит твоих розовых ярких
 Бледностью желтою скрыт, стройность утратил твой стан.
 Если без сна ты, всю ночь предаваясь борьбе неустанно,
 Так изменилась, достиг высшего счастья тот,
 В чьих ты объятьях была; но если тебя истомила
 Жаркая страсть, то зачем ты не томилась со мной!

Перевод Ф. Петровского

V, 260

Сеткой ли волосы стянешь,— и я уже таю от страсти:
 Вижу я Реи самой башней увенчанный лик.
 Голову ль вовсе открытой оставишь, — от золота прядей,
 Вся растопясь, из груди вылиться хочет душа.
 Белый покров ли себе на упавшие кудри накинешь,—
 Пламя сильнейшее вновь сердце объемлет мое...
 Три эти вида различных с триадой Харит неразлучны:
 Каждый из них на меня льет свой особый огонь.

Перевод Д. Блуменау

V, 262

Ох, даже велеть поболтать не дает нам злобная зависть,
 Ни обменяться тайком знаками наших ресниц!
 Смотрит упорно на нас стоящая рядом старуха,
 Как многоокий пастух, дочери Инаха страж.
 Стой и высматривай нас и терзай себе попусту сердце:
 Как ни гляди, все равно в душу глазами не влезть.

Перевод Ф. Петровского

Зависть, увы, не велит нам взаимно упиться словами,
 Тайной взаимности глаз поговорить не дает;
 Мы цепенеем под взглядом стоящей рядом старухи,
 Явствен глазастый пастух дочери Инаха в ней.
 Что же, стой и глазей, и терзай свое сердце напрасно:
 Не заглянуть никогда в душу влюбленных тебе!

Перевод Ю. Шульца

V, 264

Что тебе в том, что я стал прежде времени сед, что слезятся
 Очи мои? Это все шутки влеченья к тебе;

Все это знаки моей безнадежной любви, это раны
 Страсти жестокой, следы долгих бессонных ночей.
 Иначе как бы могли взбороздить лицо мне морщины,
 Или на шее уже кожа обвиснуть могла?
 Чем все пышнее цветет в моем сердце любовное пламя,
 Тем все скорей от забот члены стареют мои.
 Но пожалей, полюби ты меня! И тотчас же тело
 Помолодеет мое, и пропадет седина.

Перевод Ф. Петровского

V, 266

Кто был однажды укушен собакою бешеной, всюду
 Видит потом, говорят, призрак звериный в воде.
 Бешеный также, быть может, Эрот мне свой зуб ядовитый
 В сердце вонзил и обрек недугам душу мою.
 Только твой образ любимый повсюду мне чудится - в море,
 В заводи каждой реки, в каждом бокале вина.

Перевод Д. Блуменау

V, 268

Больше пугать не должны никого уже стрелы Эрота;
 Он, неудержный, в меня выпустил весь свой колчан.
 Пусть не боится никто посещения крылатого бога! —
 Как он ступил мне на грудь маленькой ножкой своей,
 Так и засел в моем сердце с тех пор неподвижно и прочно, —
 С места нейдет и себе крылышки даже остриг.

Перевод Д. Блуменау

V, 270

Розе венки не нужны, и тебе не нужны ни одежды,
 Ни в самоцветных камнях сетки, моя госпожа.
 Жемчуга кожа нежней, волос распущенных пряди
 Ярким сияньем своим золота блеск превзойдут.
 Огненным цветом горит иакинф индийский, но все же
 Прелести пламенных глаз не одолеть и ему.
 Влажные губы твои и эту медвяную сладость
 Стройной груди — это дал Пафии пояс тебе.
 Всем этим я побежден. Одними только очами
 Я утешаюсь: они сладких обитель надежд.

Перевод Ф. Петровского

Розе венки не нужны, а тебе не нужны покрывала
 И в драгоценных камнях сетки, убранство волос.
 Жемчуг уступит твоей белизне, и золото даже,
 Для золотых волос новой красы не придаст.
 Огненным блеском красив гиацинт индийский, но также
 И гиацинту до глаз так далеко до твоих.

Влажные губы твои и грудь и стан безупречны, -
 Все - совершенство и все - Пафии пояс самой.
 Все это губит меня, но меня лишь глаза утешают,
 Ибо надежда живет наисладчайшая в них.

Перевод Ю. Шульца

V, 272

Грудь в руках, уста на устах, серебристую шею
 Я обнимаю и свой вовсе я ум потерял.
 Пенорожденною всей овладеть я тщетно стараюсь:
 Дева не хочет со мной ложе свое разделить.
 Делят у ней пополам Афина и Пафия ложе,
 А между ними двумя я постоянно томлюсь.

Перевод Ф. Петровского

V, 274

Дерзкий Эрот-озорник ухитрился однажды мой образ
 Запечатлеть глубоко в сердце горячем твоим,
 Ты же, увь, его вдруг теперь отрыгнула, а твой-то
 Образ прелестный в моей твердо начертан душе.
 И предьявлю его я Фаэтону, злодейка с Аидом,
 Чтоб тебе Критский судья иск не замедлил вчинить.

Перевод Ф. Петровского

V, 275

Как-то, вздремнув вечерком и закинув за голову руку,
 Менекратида моя сладко забылась во сне.
 Я и посмел к ней прилечь, но лишь по дороге Киприды
 Мне полпути удалось сладостно тут завершить,
 Как пробудилось дитя и, белыми сразу руками
 Голову цепко схватив, стало мне волосы рвать.
 Все ж, как ни билась она, завершили мы дело Эрота,
 Но залилась она вся слезным потоком, сказав:
 «Вот, негодяй, своего ты даром добился, а я-то
 Воли тебе не давать даже за деньги клялась.
 Ты вот уйдешь и сожмешь другую сейчас же в объятьях:
 Все ненасытные вы жадной Киприды рабы».

Перевод Ф. Петровского

V, 279

Медлит Клеофантида. Уж в третьем светильнике пламя
 Стало клониться, и вот медленно гаснет оно.
 Если б и в сердце огонь погас со светильником вместе
 И не сжигал бы меня долгой бессонной тоской!
 Как она часто Кипридой клялась, что придет на закате,
 Но не желает щадить ни божества, ни людей!

Перевод Ю. Шульца

V, 281

Ночью вчера Гермонасса, когда, возвращаясь с попойки,
Двери я ей украшал, их обвивая венком,
Вдруг окатила меня водой из кубка, прическу
Спутав мою, а над ней целых три дня я сидел.
Но разгорелся я весь от этой воды, и понятно:
Страстный от сладостных губ в кубке таился огонь.

Перевод Ф. Петровского

V, 283

Целую ночь, покоясь рядом со мною на ложе,
Горькие слезы лила радость очей Феано.
Чуть только Геспер свой бег направил к вершинам Олимпа,
«Близок денницы восход»,— сетовать стала она.
Смертным ничто не по нраву, но если Эрот твой владыка —
То киммерийская ночь будет желанна тебе.

Перевод А. Челпанова

V, 286

Клеофантида! Скажи: каково для двоих упоенье,
Если обоих Эрот с равною силой стремится?
Есть ли Арей, или срам, или ужас такой, что возмог бы
Силой внезапной разъять слитые страстью тела?
Если бы члены мои опутаны были сетями,
Теми, что сладил Гефест хитрым искусством своим,—
Все же, с тобою соплетшись, прелестница, стан твой объявши,
Я наслаждаться бы мог негой касаний твоих.
Было бы мне нипочем, госпожа, кто бы нас ни увидел —
Путник, сосед, иерей или супруга моя.

Перевод А. Челпанова

V, 288

После того как, играя со мной на пирушке, украдкой
Бросила мне Харикло на волоса свой венок,
Жжет меня адское пламя. Знать, было в венке этом что-то,
Что и Креонтову дочь, Главку, когда-то сожгло.

Перевод Л. Блуменау

V, 290

Матери ловко своей отведа беспокройные взгляды,
 Пару румяных тайком яблоков мне подала
 Девочка милая. В них, наверно, под ярким румянцем
 Был потихоньку сокрыт страсти волшебный огонь.
 Пламенем этим объят, несчастный, вместо сосков я
 Тщетно держу, горе мне, яблоки в праздных руках.

Перевод Ф. Петровского

V, 291

Если, о милая, мне на свои намекаешь ты груди
 Этим подарком, то я счастлив безмерно теперь.
 Если ж мне нечего ждать, ты меня обманула, зажегши
 Страсти огонь и его не собираясь унять.
 Ранивший Телефа сам и его исцелил, так не стань же,
 Девушка, злее врагов по отношению ко мне.

Перевод Ф. Петровского

V, 293*

Да, необуздан Эрот и не знает законов. Найдется ль
 Дело, что в силах отвлечь от безрассудства любви.
 Если ж законы и право тебя занимают всецело.
 Значит в груди у тебя нет безрассудной любви.
 Да и какая же это любовь, если узким проливом
 Можно совсем разлучить с девой твоею тебя?
 Силу любви нам Леандр показал. Презируя опасность,
 Плыл он, отважный пловец, ночью по черным волнам.
 А для тебя и суда есть, мой друг, только ты посещаешь
 Чаще Афины,— совсем ты о Киприде забыл.
 Дело Паллады — законы, а Пафии — страсть; и найдется ль,
 Молви, такой человек, чтобы обеим служил?

Перевод Ю. Шульца

* Адресат эпиграммы – Агафий Миринейский

V, 300

Тот, кто заносчивым был и сводил надменные брови,
 Ныне игрушкой в руках девушки слабой лежит.
 Тот, кто когда-то считал, что надо преследовать деву,
 Сам укрощенный, теперь вовсе надежды лишен.
 Вот он, простершийся ниц и от жалобных просьб ослабевший,
 А у девчонки глаза гневом пылают мужским.
 Девушка с лвиной душой, даже если твой гнев и оправдан,
 Все же надменность умерь, ведь Немесида близка.

Перевод Ю. Шульца

V, 301 [На подарок рыбы]

Если отправишься ты еще дальше пределов Мерои,
 Я на Эрота крылах тотчас с тобой полечу;
 Коль к одноцветной тебе на Восток ты двинешься Эос,
 Пеший пройду за тобой тысячи стадиев я.
 Если ж глубинный несущ тебе дар я ничтожный, прости мне:
 Пафии это Морской, девушка, дар для тебя.
 Ныне, желанного мне побежденная прелестью тела,
 Дерзко свою красоту не превозносит она.

Перевод Ф. Петровского

VI, 54

Медной цикадою чтит локриец Евном Ликорея,
 Жертву ему принося в память борьбы за венок.
 На состязаньи форминг противником был ему Парфий,
 И не успела издать лира локрийская звук,
 Как заскрипела струна, ослабев под ударами плектра,
 Но не споткнулся напев и не нарушился строй:
 Нежно поющая тут на кифару села цикада.
 Застрекотавши под звук лопнувшей было струны,
 И полевой голосок, раздававшийся раньше по рощам,
 Приноровила она к лиры моей голосам.
 Медной певуньей за то, на кифаре сидящей цикадой,
 Ныне блаженного чтит сына Латоны Евном.

VI, 57

Пятиконечными лап острями грозившую эту
 С пастью разверстою вширь и с головою в крови
 Львиную шкуру, взнеся на сосну, тебе, Пан козлоногий,
 Вместе с рогатиной в дар Тевкр преподносит Араб.
 На острое полусъеденном след от зубов сохранился,
 Видно, с какою рычал бешеной яростью зверь.
 Нимфы и вод и лесов хороводную зачали пляску:
 Ведь и на них наводил ужас и страх этот лев.

VI, 64

Круглый свинец, по темным чертам направляющий строки,
 И для очистки тростей пемзы шершавой кусок,
 Плоский нож для того, чтоб раздваивать кончики перьев,
 Вместе с линейкой, строке путь проводящей прямой,
 Да и чернила, давно в долбленных хранимые камнях,
 Ножички, чтоб очищать перьев концы от чернил —
 В дар Гермесу принес Филодем, у которого веки
 Отяжелели, морщат и закрывают глаза.

VI, 65

Этот свинцовый кружок, пролагать умеющий тропы,
 Правильно их проводя вдоль по линейке прямой,

Острый клинок для очистки тростей, а также линейку
 Для проведенья по ней вкось не идущей строки,
 Камень шершавый, чтоб кончик пера очинять раздвоенный,
 Если его острие стерлось при долгом письме,
 Также из моря глубин Тритона-Бродяги подушку —
 Губку, которой целить можно ошибки пера,
 Ящик с чернильницей в нем, который во многих ячейках
 Все снаряженье хранить ловкого может писца,
 В дар Гермесу принес Каллимен, руке своей дряхлой
 В старости дав отдохнуть от долголетних трудов.

VI, 66

Неувлажненный свинец, чертивший прямую дорогу,
 Вдоль по которой идут стройные буквы письма,
 Вместе с линейкой, кружок направляющий ровно свинцовый,
 Пористый камень, вполне с губкою схожий морской,
 Да и сосуд для чернил устойчивых, и тростниковых
 Перьев прекрасных набор с черным слегка острием,
 Губку из моря глубин — лугов порожденье соленых,
 Медный еще, мастерски резавший трости, клинок —
 Все это здесь Каллимен посвящает улыбчивым Музам:
 Он постарел и глаза слабы его и рука.

VI, 71

Вот тебе тысячи здесь с венков оборванных листьев,
 Кубков осколки тебе, в пьяной разбитых гульбе,
 Ключья волос умощенных! Лежит в пыли пред тобою
 В страсти безумного весь Анаксагора доспех.
 Все ты, Лаида, бери. У двери твоей постоянно
 Вместе с толпою юнцов ночь напролет проводя,
 Ни обещаний, ни ласковых слов, ни надежду сулящих
 Дерзостей он от тебя, жалкий, совсем не слыхал.
 Нет! Изнуренный теперь, бросил он эти знаки пирушек
 И непреклонной клянет женщины прелесть и нрав.

VI, 75

Лук тебе в дар, Аполлон, Андрокл преподносит охотник,
 Счастливо перестреляв множество диких зверей,
 Ибо ни разу стрела не слетала с гнutoго лука
 И не неслась из руки попусту, вдаль уходя.
 Сколько бы раз тетива, ловящая все, не звенела,
 Птицу и зверя стрелой меткой сражала она.
 Вот потому тебе, Феб, Ликтийское это оружие.
 В кольцах сплошь золотых, в жертвенный дар он принес.

VI, 81

Щит из воловьих кож, прикрывавший тело, и пику,
 Рвавшую часто кишки у наступавших врагов,
 Грудь защищавший от вражеских стрел крепкий кожаный панцирь
 И волосами коня густо покрытый шелом
 В жертвенный дар Арею принес Лисимах, заменивший

Весь свой тяжелый доспех старческой ныне клюкой.

VI, 82

Дудки дал Пану Мелиск, но Пан не принял сининги,
Молвив: «От этих тростин вовсе я спятил с ума.»

VI, 84

Зевсу сей выступ, обломок щита, за который держался
Крепко правой рукой, стойкий принес Никагор.
Все ж остальное в щите отбито копьями было,
Градом несчетных камней и лезвиями мечей.
Но и кругом оборванный щит был рукой неборной
И Никагором храним и Никагора хранил.
Всякий увидит теперь, что этим щитом нерушимо,
Был соблюден боевой Спарты старинный завет.

VI, 168

Неукротимого лоз виноградных губителя, вепря,
Жителя наглого чащ в береговых камышах,
Острым сразу клыком выдиравшего часто деревья
И прогонявшего прочь даже овчарок от стад,
Встретив случайно, когда с ошетиненной гривой у речки
Только что тот вылезал, глубь покидая лесов,
Медным копьем умертвил Ксенофил и, с дикого зверя
Шкуру содравши, ее Пану повесил на бук.

VII, 4

Мудрый глас Пиэрид — Гомер божественный — в этой
Славной могиле сокрыт здесь на приморской скале.
Если ж такой островок вместил столь великого мужа,
Не приходи от того ты в изумленье, пришлец:
Этого брат островка, блуждавший по морю Делос,
Новорожденного встарь сына Латоны приял.

VII, 307 [Неважно, о ком]

Имя мне... — Это зачем? — Отчизна мне... — Это к чему же?
Славного рода я сын. — Если ж ничтожного ты?
Прожил достойно я жизнь. — А если отнюдь не достойно?
Здесь я покоюсь теперь. — Мне-то зачем это знать?

VII, 560

Хоть на чужой стороне в могиле лежишь ты, Леонтий,
Хоть от родителей ты горестных умер вдали,
Смертную участь твою оплакали многие мужи,
При погребеньи твоём горькие слезы лия.
Все ведь любили тебя и всеми, по правде, считался

Сыном родным ты и всем верным товарищем был.
 Неумолима, увы, беспощадна к тебе была Мойра,
 Даже и юных твоих не пощадивши годов.

VII, 563 [Пантомим Хрисеомалл]

Хрисеомалл, ты молчишь, став медным, и нам уже больше
 Не представляешь теперь древлерожденных людей,
 Им подражая без слов; и твое, блаженный молчанье,
 Так восхищавшее нас, всех повергает в печаль.

VII, 588

Дамохарид погружен в безмолвие вечное Мойрой,
 Замер прекрасный, увы, Музы у нас барбитон,
 Рухнул грамматики столп. Ты, Кос, злополучнейший остров:
 По Гиппократе не смолк плач твой, и плачешь опять.

VII, 604

Чистая дева, тебе вместо брачного ложа руками
 Скорбными смертный одр мать и отец возвели.
 Ты избежала зато соблазнов и мук Илифии,
 Их же окутал туман горьких рыданий и слез.
 Рок лишь двенадцать лет тебе дал, Македония, жизни!
 Ты молодой по красе, старой по нраву была.

VII, 606

Милый, с открытой душой, с приятным лица выраженьем
 И у которого сын не забывал старика,
 В лучшую веря судьбу, сошел в могилу Феодор,
 Радостно несший труды, радостно встретивший смерть.

VII, 609

Аттик, уверенный в том, что Мойра всех похищает,
 Смело при жизни меня вырыл могилкой себе:
 Он добродушно шутил над страхом смерти. Пускай же
 Мудрости солнце его вечно под солнцем горит.

IX, 396

В облако крепких сетей под утро как-то попался
 Вместе с дерябой-дроздом также и дрозд-краснопев.
 Петля дерябу назад не пустила, но вылетел сразу
 Из заплетенных тенет уединенный певун.
 Может быть трижды благой Артемидой-охотницей, ради
 Лиры владыки, от пут освобожден был певец.

IX, 443

Ни уголка не давай ты Пафии в мыслях: сейчас же
 С твердого сердца туда спрыгнет летучий Эрот.
 Вкрадчива скользкая страсть, и стоит тебе прикоснуться
 К жалу стрелы огневой, сразу вопьется она.
 Ты похотливой надеждой не льстись: пожирающий члены
 Вспыхнет огонь, и весь ум в пламени страсти сгорит.

IX, 620*

Близко порхает Эрот, но до женщин тут не добраться,
 Ибо великой тесна Пафии малая дверь.
 Сладостно все-таки здесь, потому что в делах похотливых
 Слаще бывает мечта, чем воплощенье мечты.

** Эпиграмма на двойную баню для женщин и мужчин.*

IX, 651 [О своем доме]

С трех сторон я смотрю на прекрасные моря равнины,
 И отовсюду ко мне Солнце бросает лучи,
 Ибо Заре простирать на меня золотистую ризу
 Радостно так, что она медлит к закату идти.

IX, 658*

Заново царь Иустин очистил всю грязь с украшения,
 И величавый чертог снова у Дики блеснит.
 Ты же трудами, Домнин, унылую ночь отгоняешь
 Как от Фемиды дворца, так и от жизни людей.

** На восстановление здания суда, подожженного во время голодного бунта в Византии при императоре Аркадии в 407 г.*

IX, 663*

Понт основанье земли омывает своею волною,
 Суши зеленой хребты здесь отразились в воде.
 Был мудрецом, кто слил здесь море с землей и садами,
 Воды речные Наяд с влагой морской Нереид.

Перевод Ю. Шульца

** Эта и следующая – эпиграммы на канал в садах императора Юстиниана в Халкедоне.*

IX, 664

Спрячт о том Нереиды, с Наядами Гамадриады,
 Кто это место своим более вправе назвать.
 Судит Харита их спор, но решенья сама не находит, -
 Так им обязана всем местность своей красотой.

Перевод Л. Блуменау

IX, 764

Я никаких ни могучих зверей, ни рыбы из моря,
 Ни даже птиц не ловлю петлями наших сетей,
 Но добровольных людей. Моя искусная хитрость
 Мужу, который оплот ищет от жал мошкары
 И, пообедав, желает соснуть без укусов, послужит,
 Право, не хуже кольца град охраняющих стен.
 Я доставляю покой безмятежного сна; да и сами
 Мне благодарны рабы: мух им не надо гонять.

IX, 765

Брачное ложе кругом оплетаю; и я не отважной
 Фебе для ловли служу: нежной я Пафии сеть.
 Пологом редким покрыв спокойно спящего мужа,
 Я не мешаю ему воздухом свежим дышать.

IX, 770

Аникития во мне орошает губы золотые,
 Но я хотел бы ее брачным питьем напоить.

IX, 782*

Здесь рассекается бег лучей Фэтона на части
 И на двенадцать часов распределяется он.
 Люди весь солнечный путь посредством воды измеряют,
 К неба высотам с земли мысль устремляя свою.

* Эпиграмма на водяные часы.

X, 15

Снова весны благодать навстречу Зефирам открыла
 Радостно лоно земли, и зеленеют луга.
 На деревянных катках влачится тяжелое судно
 И с побережья спешит в моря глубины скользнуть.
 Эй, моряки, распустив паруса, выходите, не бойтесь,
 Чтобы товары менять мирно на новую кладь.
 Я охранитель судов, Приап: я горд, что Фетидой
 Ласково некогда мой принят был Бромий отец.

X, 74

Не увлекайся шумихой пустой удач и богатства,
 Духом не падай, рабом не становись ты забот.
 Непостоянными жизнь колеблема ветрами вечно,
 И то туда, то сюда бури уносят ее.
 Твердо стоит только доблесть, и лишь на нее полагаясь,
 Смело плыви по волнам моря житейского ты.

X, 76

Не в утешениях жизнь состоит, а в том, чтоб заботы
 Нам из груди изгонять — ранних причину седин.
 Если к достатку стремлюсь я, то к скромному, а непомерной
 Жаждою золота всю душу себе изведешь.
 Часто поэтому ты увидишь, что людям богатство
 Бедности хуже, а смерть им даже лучше, чем жизнь.
 Зная все это, веди свое сердце прямыми путями
 И полагайся всегда только на мудрость одну.

XI, 60

Пьяницы, мы возольем вино смехотворцу Лиэю,
 Горьких досаду забот чашами выгоним прочь;
 А чернорясницу, мать Ферсефоны, в голодное чрево
 Пусть отправляет себе после трудов селянин.
 Окровавленную снедь — быков растерзанных мясо
 Хищным птицам дадим и кровожадным зверям;
 Кости же острые рыб, которые губы нам колют,
 Тем предоставим, кому Солнца милее Аид.
 Нам да будет вино и питьею благодатным и пищей,
 Всю же амвросию пусть всякий, кто хочет, берет.

XVI, 57

Эта вакханка в безумьи отнюдь не создание природы —
 Только искусство могло с камнем безумие слить.

Перевод Ю. Шульца

XVI, 77

Кроме очей, ни волос, ни кожи чудесного цвета
 Не в состояньи была б живопись изобразить.
 Тот лишь, кто солнечный блеск передать на картине способен,
 Блеск Феодоры красот смог бы вполне передать.

XVI, 118

Руки, убийцы мидян, над кормою изогнутой судна,
 Быстро летевшего прочь, сабли отсекли врагов,
 Только лишь длани твои, Кинегир, словно якоря лапы,
 Крепко схватили корабль, чтоб захватить беглеца;
 Не отпускали они бревна корабельного, цепко
 Впившись и в ужас вводя Ахеменийцев толпу.
 Варвар какой-то их снял наконец, но рук этих подвиг
 Не удалось им отнять у Мопсопийской земли.

XVI, 277

Только твою красоту передал живописец. О если б
 Мог он еще передать прелесть и песен твоих,
 Чтобы не только глаза, но и уши могли наслаждаться
 Видом лица твоего, звуками лиры твоей.

XVI, 278

Плектром форминги и плектром Эрота она обладает,
 Может на сердце она и на кифаре бряцать.
 Жалки, кто ей неугоден, но тот, кому благосклонна,
 Это — второй Анхис, это — второй Адонис.
 Коль, чужеземец, узнать ее имя и родину хочешь,
 Родина эта — Фарос, звать же Марией ее.

НА ПИФИЙСКИЕ ГОРЯЧИЕ ИСТОЧНИКИ [1]
 (App., IV, 75)

Ты хочешь знать о токе
 Природных вод горячих,
 Откуда всем болящим
 Является бесплатно
 Подарок светлый, чистый,
 И милая услада?
 Я все тебе открою;
 Наставлю в том охотно,
 Что постигает мудрый,
 Чему природа учит
 И опыт подтверждает.
 Внимай же, начинаю.

В земле, одни считают,
 Есть узкие каналы.
 И там вода, сливаясь
 С бегущей ей навстречу,
 Сжимается и, сжавшись,
 Стерпеть не в силах жара.
 Другие полагают,[2]
 Что под землю, в недрах,
 Есть серные породы.
 Вода, соседясь с ними,
 Горячих руд достигнув,
 Не в силах там остаться
 И вся стремится кверху.

Ты с первыми согласен?
 А я второе мнение
 Считаю достоверным.
 Ты знаешь, - есть ведь запах
 Удушливый и с гнилью, -
 Он чувствуется явно;
 Вот так течет пред всеми
 Поток с избытком жара.
 Не врач, но – Гиппократ он,
 Гален, - хоть не ученый.

Тому свидетель остров,[3]
 Где рвется кверху пламя,
 Гудящее со стоном
 И сильным сотрясеньем.
 Испытывают это

Атитания мидян,
Персидская Питтака,
Страна лидийцев также,
Что золотом обильна.
Там, где столпы Геракла,
Металлов очень много.
А ближе, в Питекусах
И острове Липаре [4]
Ужасны изверженья.
Они сверкают ночью,
Швыряя с громом камни,
Курящиеся серой;
Все это видеть можно.

Такие ж есть поменьше
В сравнении с другими.
Один поток забвенья
Несет, другой – пьянит нас,
И льется маслом третий,
А молоком – четвертый.
Бежит поток – лекарство,
Пернатых исцеляя.
Другой источник пьяниц
Своей водою лечит.
В открытом море где-то
Пучиной взят источник
И глуби выдыхают
Пророческие звуки.
Земля иная наверх
Выводит нефть. Что это?
Из всех чудес вот чудо!
От брани ключ мутнеет,
От похвалы – сверкает.
Один, - твердят, - источник
Обман разоблачает;
Другой, твердят повсюду,
Из тела гонит влагу;
А третий, - добавляют, -
Нам закаляет тело.
Воде приносит горечь
Свет пламенного солнца,
Но ночь умеет снова
Их сладостными сделать.
И вот, потока благо –
Нести с собою кверху
И легкие породы
И тяжесть, как пылинку.
Иной источник малый
Ушибы тела лечит
И переломы также,
А тело поправляет.

Скажу, коль хочешь, больше:
Есть, - повествуют, - жидкость;
Поставь на вольный воздух
Ее в сосуде на ночь, -
К утру найдешь замерзшей.
Есть, - говорят, - другая:
Склонишься пить, и видишь, -
Как будто убегает

В земные недра кто-то.
А есть поток (о чудо!)
Который, что ни примет,
Все превращает в камень
В течение дней немногих.
А есть еще источник,
Воды дающий мало;
Когда ж сойдутся толпы,
Он воду льет обильно.
А где-то, - уверяют, -
Еще один: зимою
Он весь пересыхает,
А летом щедры струи.
Иной источник, слышно,
Течет обильный натром,
Чтоб не нуждались в мыле
Кто в нем пришел помыться.
Есть водоем, в котором
Вода тепла, и звери
Не пьют ее: воняет,
Как гной иль гниль иная.
Там, - говорят, - немало
Есть тополей, дающих
Янтарь, - по виду - злато,[5]
Он падает сначала
С ветвей, к земле склоненных,
Тягучею слезою,
А после – это камень,
Металл, - даешься диву!
Теперь скажу и дальше:
В каком-то месте малый
Есть водоем и круглый;
Захочешь в нем помыться, -
Он до краев наполнен.
Людей с полсотни могут
В нем вымыться отлично.
Но если очень многих
К нему приводят мыться,
Он, вырвавшись, сбивает
Блаженствующих в водах.
И дым ползет из грота;
Скрывая, обжигает,
Что ты зажжешь открыто,
Едва лишь капнув масла.
Другой же грот, пусть мал он,
Сам зажигает пламя;
В него вливая масло,
Ты тот огонь погасишь.
Нам сообщают книги:
Есть грот, глубокий летом;
Он кверху мечет пламя.
Зимой же льет оттуда
Вода, а с нею камни.
Они горят, как факел,
Который ты смиряешь
И гасишь опахалом.
Но если брызнешь кровью,
Пылает пламя ярче.

А из другого жерла
 Огонь с водою рвется;
 И смесь «врагов» скрепляет
 Четыре элемента.[6]
 Вот так Владыка Мира
 Явления природы
 Рождая, к нам приводит,
 Царит и сочетает
 И ясно открывает
 Их всем на удивленье.
 Его, назвавши Богом,
 Представь в глубинах сердца,
 Не тщась придумать облик,
 Коль хочешь быть правдивым.
 Он – дух непостижимый,
 Он – в деле несказанном
 И дивное он диво.
 Он тайным светом вечен,
 Он не из нашей плоти,
 Создавший жизнь и космос
 На многомудром небе
 В предвиденье правдивом.
 Итак, одно я вижу,
 Другое – дали книги,
 А третье дал мне опыт.
 Они же нам даруют
 Из темноты – прозренья,
 И малое в великом.
 На чудо дел взирая,
 Желать, - я знаю, - будешь
 Ты тройственного света.
 А пожелав, ты станешь
 Искать. И в том обрящешь
 Ты истинного Бога.

1. Пифея – местность в Вифинии, области, примыкавшей к южному побережью Черного моря. Славилась своими источниками. Историк Прокопий сообщает о находившемся там императорском дворце и банях, построенных Юстинианом.

2. Это «второе мнение», высказанное Сенекой, приведено у Витрувия («Об архитектуре», VIII, 3): «Некоторые полагают, что воды, вытекая из мести ли протекая через места, богатые серой, принимают тепло под влиянием вещества, через которое они протекают; и это подтверждается запахом и вкусом вод».

3. Речь идет о Сицилии.

4. Липара – самый большой остров из Эоловых, или Липарских островов (в Тирренском море). Часто страдал от вулканических извержений.

5. «Там» – то есть вблизи реки Эридана, где, по преданию, превращенные в тополя сестры Фазтона оплакивали его гибель слезами из чистого янтаря.

6. Огонь, воздух, вода и земля.

Воспроизведено по изданию: Византийский временник. 1969. Т. XXX. С. 293-305.

[Эпиграммы V, 262 V, 270 (в переводе Ю.Ш.) V, 246 V, 250 VI, 82 - по изданию: Эпиграммы греческой Антологии. М.: Терра, 1999.]